

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «РАЗДЕЛЁННОЙ НАЦИИ» И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ¹

Балдано М.Н.

*Балдано Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирское отделение
Российской академии наук, г. Улан-Удэ*

Аннотация: в данной работе рассмотрена проблема единства монгольского мира, возможности инструментального использования уникального опыта бурятских диаспор, а также трансграничные факторы, ставшие опорными точками процессов и проектов национального строительства в постсоветской Бурятии.

Ключевые слова: нациестроительство, диаспоры, соотечественники.

УДК 94.321

В Бурятии в основе проекта нациестроительства лежала, прежде всего, проблема суверенитета нации, причём, чаще в её этническом, чем гражданском понимании. С этим неразрывно связан вопрос о статусе государственности Бурятии и/или государственном статусе бурятского народа. Однако это неизбежно и чрезвычайно остро ставило проблему определения основополагающих характеристик бурятского народа. Является ли он совершенно самостоятельной и уникальной общностью, сформировавшейся (и продолжающей формироваться и сейчас) в процессе собственного исторического развития – или же это органическая интегральная часть трансграничной монгольской историко-культурной общности? Тогда эта общность имплицитно подразумевается вечным и неизменным телом.

Проблема бурятского единства прямо касается диаспоральных групп в Китае и Монголии. Они сформировались в результате нескольких «волн» перекочёвок бурятских родов и семей, вызванных как экономическими причинами, так и социально-политическими катаклизмами первой трети XX века в России. Их существование стало важной частью процесса национального самоопределения, интенсивным объектом дискуссий и проектов нациестроительства. Особую важность присутствию бурят именно в этих странах придавало то обстоятельство, что их диаспоры сформировались в окружении родственных по языку и культуре монголызычных народов и сумели не раствориться среди них за многие десятилетия совместной жизни и интенсивных взаимодействий. Перед приверженцами идеи единой монгольской нации это ставило сложные и трудноразрешимые концептуальные проблемы.

Буряты Монголии и Китая демонстрировали также возможности иных, чем в Бурятии, путей и стратегий национального развития, могли рассматриваться в роли хранителя традиционных национальных ценностей, утерянных в метрополии. В качестве носителя «идеальной», аутентичной национальной идентичности диаспоральные группы часто выступают излюбленным объектом выстраивания идеологических и политических конструкторов «собрания нации» и «собрания соотечественников» в проектах «национально-культурного возрождения», широко распространившихся на постсоветском пространстве. При всей важности «проблемы соотечественников» для проекта «национально-культурного возрождения», интенсивности и эмоциональной насыщенности дискуссий, место в них бурят Китая («шэнэхэнские буряты») и бурят Монголии было совершенно разным. Сама ситуация шэнэхэнских бурят сталкивала два национализма – бурятский и панмонгольский. Буряты Монголии почти не привлекали внимания к себе в этом контексте, несмотря на то, что их было во много раз больше, повседневные связи с Бурятией – более интенсивны, а история – более драматичной [1, С. 284]. Трансграничные факторы стали важнейшими опорными точками процессов и проектов национального строительства в постсоветской Бурятии. Проблема единства монгольского мира и возможности инструментального использования уникального опыта бурятских диаспор в этом мире стали мощным интеллектуальным, идеологическим и политическим вызовом, потенциальным ресурсом и фактором риска.

В 1990-х гг. на первый план вновь вышла идея разделённости монгольского мира, реализуясь иногда в концепте «разделенной нации» и необходимости её «собрания», чего не было у других народов. При этом происходило наложение и в какой-то степени конфликт двух подходов: общемонгольского единства и единства бурятского.

Органически связан с этим концепт признания бурят «репрессированным народом» – как юридического и морально-политического обоснования для изменения статуса государственности и

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

расширения прав этнонации. Требование придать бурятскому языку статус государственного выступает в таком контексте как вопрос о власти. Именно в этом ряду рассматривался и «вопрос о возвращении на историческую родину желающих бурят Шэнэхэна» [2, с. 126]. В итоговом документе I Общебурятского хурала (важнейшего для своего времени общественно-политического мероприятия, состоявшегося в 1992 г.) проблема шэнэхэнских бурят рассматривалась в контексте задачи «реабилитации репрессированного бурятского народа». Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенсации, содействовать размещению, создать специальную миграционную службу для содействия возвращению.

Возвращение рассматривалось не как гуманитарная, а как политическая проблема. Это была часть задачи «собирания нации», путь к её консолидации, сохранению и развитию её «генофонда». Репатриация выступала как инструмент нациестроительства.

В сложившемся дискурсе были совершенно не случайны постоянные отсылки к программе репатриации соотечественников-оралманов в Казахстане, призванной изменить параметры этнодемографической структуры в стране, решить проблемы выстраивания нации-государства [3, с. 108-134]. То есть, решающей проблемы не культурные, гуманитарные, а политические.

Но это вовсе не означало, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Возможно, этот сюжет и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес, на который охотно откликнулись СМИ. Достаточно посмотреть на заголовки статей: «Русские буряты в Китае. Шэнэхэн – заповедный уголок бурятского духа и культуры» [4], «Китайские буряты возвращаются на родину. Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад» [5], «Урга – территория вернувшихся на родину. Семья известной певицы Бадма-Ханды Аюшеевой, приехавшая из Шэнэхэна, сейчас осваивает Тугнуйскую долину» [6].

Власти Бурятии также не смогли остаться в стороне от этой проблемы. Проявленный интерес к ней позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью и внимание к её этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников бурятского национализма. Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских провинций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. Требовалось только увести проблему из опасной этнополитической сферы в область гуманитарную и культурную. Это и было сделано в «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997) [7, с. 90-102].

В начале 1990-х гг. между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии было подписано соглашение, по которому приехало около 300 человек. Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья. Но власти не смогли сделать главного – оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Не стала Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников.

В конце 2000-х гг. идея была реанимирована, но уже в духе идеологии обновленной программы. Гуманитарные и идеологические мотивы ушли на второй план, во главу угла были поставлены задачи решения демографических проблем. Бурятия включилась в Государственную программу, и в 2011 - 2012 гг. в её рамках планировалось привлечь около 500 шэнэхэнских бурят, уже готовых к переселению. По замыслу Министерства экономики Бурятии, основного исполнителя программы, предполагалось создание с их участием фермерских скотоводческих хозяйств, гуртов. Республика должна была выделить землю, обеспечить жильём и трудоустройством, а федеральный центр взял бы на себя переезд и выдачу российских паспортов [8; 9; 10]. Но этого не случилось. Земли, которые предполагалось выделить, не устроили шэнэхэнских бурят, так как находятся в преимущественно горных районах Бурятии, да и такого количества людей, желающих вернуться в Россию, не нашлось.

Интенсивные вначале усилия в этом направлении сменились осуществлением рутинных бюрократических процедур. Тема «шэнэхэнских бурят» постепенно утрачивала свою идеологическую насыщенность и экзотическую привлекательность для общества. Идеологически мотивированную идею «собирания нации» постепенно отгеснил государственный прагматический подход на привлечение соотечественников для решения сложных демографических и экономических проблем страны.

При этом и объектом пристального внимания общества, и материалом для выстраивания конструкта «собирания нации», и потенциальным резервуаром источника необходимой рабочей силы были и остаются далеко не все зарубежные буряты. Сложился разительный контраст между шэнэхэнцами и куда более крупной и значительной общиной бурят Монголии. Ни в 1990-е гг., ни сейчас они не привлекали внимания общественности, о них почти не писали и не пишут газеты, разве что в период проведения общебурятского фестиваля «Алтаргана». И это, несмотря на их заметную роль в культурной, экономической и политической жизни Монголии.

Официально утвержденный проект по привлечению соотечественников официально рассчитан на бурят Китая и Монголии. Однако его содержание показывает, что последние названы, скорее для

проформы. Причина очевидна – отсутствие желающих переселиться [11, с. 85-87]. При особом отношении к родовым местам исхода предков, усилиях по поддержанию родовых связей поверх границы, стремление ассоциировать себя с Россией в гражданском и политическом отношениях практически отсутствует. Поэтому и идеологический концепт «разделенной нации» с его задачей «собирания нации» обходит эту группу стороной. Идея «возвращения» очевидно нереалистична. А идеи государственного объединения не находят особого отклика в элите Монголии еще со времен Даурского съезда.

Можно предположить, что полученная с таким трудом государственность, чья устойчивость целиком зависит от равновесия между Россией и Китаем, представляется слишком большой ценностью, чтобы рисковать ею для осуществления объединительных проектов. Процессы нациестроительства в рамках существующей государственности зашли так далеко, что это сняло с повестки дня другие варианты развития.

Укрепление государственности России, рост мощи Китая, отсутствие реального интереса у политической и интеллектуальной элиты Монголии, которая видит будущее в рамках существующей государственности, показали иллюзорность объединительного проекта. История последних полутора веков показала, что объединительные идеи возникают в типологически сходных ситуациях как часть неизбежных и необходимых процессов консолидации народа. Это заставляет относиться к ним со всей серьезностью.

Список литературы

1. *Балдано М.Н.* Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству / Автор проекта, науч. и лит. ред. С.А. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. 390 с.
2. *Нимаев Р.Д.* Делегат от Конгресса бурятского народа. Выступление // Материалы II съезда народов Бурятии. Улан-Удэ, 2001. 172 с.
3. *Садовская Е.Ю.* Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: Основные тенденции и перспективы. Алматы, 2001. 260 с.
4. Русские буряты в Китае. Шэнэхэн – заповедный уголок бурятского духа и культуры // Информполис, 2004. 4 июля.
5. Китайские буряты возвращаются на родину. Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад // Информполис, 2005. 7 сентября.
6. Урга – территория вернувшихся на родину. Семья известной певицы Бадма-Ханды Аюшеевой, приехавшая из Шэнэхэна, сейчас осваивает Тугнуйскую долину // Номер один, 2004. 2 июня.
7. Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия. Одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия 29.09.1997. № 336 // Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Сост. Ю.Н. Пинигина. М.; Иркутск: Наталис, 2002. 311 с.
8. *Цыренов А.* Бурятии запрещают возвращать шэнэхэнских бурят в республику // Номер один, 2010. 2 сентября.
9. *Махачкеев А.* Шэнэхэнские буряты получили шанс на возвращение на историческую родину // Информполис, 2011. 31 марта.
10. *Хыртыгеева Е.* Долгий путь домой. 500 шэнэхэнских бурят желают вернуться на историческую родину // Номер один, 2010. 12 мая.
11. *Цыбикдоржиев Д.* Буряты КНР и Монголии как возможные участники программы возвращения соотечественников // Власть, 2009. № 3. С. 85-87.